

После ужасающей тишины первым пришёл в себя именно Ли, известный своей безупречной выдержкой. Он не только не потерял самообладания, но и мгновенно перевёл внимание в другую сторону: подняв взгляд на Цзянь Наня, ловко перекинул ответственность —

— Мама ждёт тебя домой поужинать.

Операторы синхронно повернули камеры, гости в студии дружно уставились на Цзянь Наня, а вслед за ними — и вся аудитория перед экранами. Волна сплетен взметнулась, как пламя, и в одно мгновение Цзянь Нань оказался в центре внимания — будто его выставили на костёр, где каждая пара глаз была факелом.

— Э-э... — язык словно не слушался, ладони вспотели. — В-в другой раз... Тётя слишком добра, вот закончим съёмки — я обязательно загляну.

— Понятно, — спокойно подтвердил Ли Чуань, обращаясь в телефон. — Он сказал, что приедет в следующий раз. Кстати, ты ведь помнишь, что любит твой сын?

На том конце провода Дунфан Циюнь возмутилась:

— Что за вопрос? Конечно, помню! Ты же жить не можешь без своих финиковых пирожков!

— Ага. Всё, я кладу трубку.

— Эй-эй, не вешай! Я хотела с Нань-Нанем парой слов...

Гудки оборвали её фразу, но потрясение повисло в воздухе, будто звонок всё ещё не закончился.

Гости на площадке онемели. Режиссёрская группа тоже застыла.

Сян Го, как всегда первая на линии фронта сплетен, не удержалась:

— Ли-ге, ты, получается, с Нань-Нанем давно знакомы? То есть вы...

Она не решилась договорить, но смысл и так витал в воздухе — слишком очевидный, чтобы его не уловить.

Даже Дун Циюньин не удержался и повернулся к Цзянь Наню:

— Так ты с семьёй Ли близок, да?

Ли Чуань убрал телефон и спокойно пояснил:

— Моя мама — дизайнер одежды. Мама Цзянь Наня тоже. Они старые подруги, так что мы с Цзянь Нанем знакомы ещё с детства.

Только теперь остальные всё поняли.

Сян Го взглянула на Цзянь Наня и вздохнула с лёгкой завистью:

— Повезло же тебе!

Цзянь Нань быстро подхватил его тон, поддерживая нужную линию:

— Да, наши семьи немного общались. Когда тётя и моя мама обсуждали заказы, я иногда заходил — просто поиграть, поболтать.

Сян Го улыбнулась:

— Вот как.

После этого короткого объяснения, всё то, что секунду назад казалось подозрительно интимным, вдруг превратилось в простое знакомство детства — без намёков и подоплёки.

Цзянь Нань заметно выдохнул. Похоже, все поверили.

Он понимал, что Ли Чуань терпеть не может, когда кто-то без повода «ловит хайп» на его имени, и теперь, когда ситуация сглажена, он хотя бы минимизировал ущерб.

Но зрители в комментариях оказались не столь снисходительны:

«О Боже, я ревную!»

«Тоже хочу к свекрови на ужин!»

«Если подумать, может, то, что Цзянь Нань всё время крутится рядом с Ли-ге, и не слух вовсе?..»

«Эй, поаккуратнее с формулировками! У них нет таких отношений!»

«А ты-то откуда знаешь?»

Одним телефонным звонком актёр сумел устроить то, чего не смогли ни интервью, ни шоу: в фанатском чате началась первая настоящая война.

Фанаты Ли Чуаня ненавидели, когда кто-то пытается подняться за его счёт, а у Цзянь Наня поклонников становилось всё больше — и они не собирались молчать.

Две армии сошлись в комментариях.

Дун Цзюньин, не утруждая себя фильтрацией мыслей, хмыкнул:

— Судя по голосу тётя, Нань Наня дома любят куда больше, чем тебя, Ли-ге?

Цзянь Нань растерянно усмехнулся и невольно посмотрел на Ли Чуаня.

Тот небрежно облокотился на край стола, чуть прищурился и лениво произнёс:

— Мама всегда любила послушных, милых детей. К сожалению, её собственный сын к таким не относится.

Комната взорвалась смехом.

Даже зрители, заливавшие эфир комментариями, не смогли сдержать улыбки:

«Ли-ге в детстве был таким шкодником!»

«Так выходит, тётя реально считала Нань Наня своим сыном?»

«Детская дружба, как же это мило!»

«Хаха, “друзья детства”... но почему-то всё равно немного колет в груди.»

Этот невинный разговор по телефону внёс удивительно много информации, но большинство фанатов всё же старались мыслить рационально: старые семейные связи между звёздами — ничего необычного.

Режиссёр, воспользовавшись тем, что смех наконец стих, прокашлялся и напомнил:

— Хорошо, теперь последняя пара. Цзянь Нань, твоя очередь.

Настала очередь Цзянь Наня.

Он смотрел, как на экране телефона выбор контакта скачет между «мама» и «папа», пока, наконец, не остановился на странице с именем отца. И — странное дело — он почувствовал облегчение.

Режиссёр мягко улыбнулся:

— Ну что, Наньнань, позвони отцу.

Цзянь Нань кивнул. Нажал «вызов». На том конце ответили почти сразу — знакомый, спокойный, безупречно вежливый голос:

— Нань-Нань?

— Папа, — тихо сказал он. — Я не помешал?

— Конечно, нет, — в голосе отца слышалось тёплое спокойствие. — Я уже давно проснулся. Как ты себя чувствуешь, сынок? Позвонил, потому что что-то случилось?

От этих простых слов внутри стало по-домашнему тепло.

— Всё хорошо, папа, не волнуйся. А как мама?

— Всё в порядке, — уверенно ответил отец. — Мы оба в порядке, не переживай за нас.

Цзянь Нань кивнул, едва заметно:

— Пап, а ты помнишь, что я люблю есть?

— Конечно, помню, — голос на том конце стал особенно мягким, будто с улыбкой. — Ты же любишь цыба. Захотелось? Когда закончишь работу, возвращайся домой — я приготовлю. И передай Ли Чуаню, что его финиковые пирожки я тоже испеку. Возвращайтесь вместе, ладно?

Цзянь Нань опустил голову, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Папа, я понял. Не буду отвлекать, мне пора на съёмку.

— Хорошо, хорошо, — ответил отец, всё так же спокойно. — Береги себя.

Он повесил трубку.

А вот сердце ещё долго не могло успокоиться.

После своего «второго шанса» он так и не осмелился связаться с родителями — не знал, как сказать им о разводе, о том, как всё обернулось. Но сейчас, услышав голос отца, понял, как сильно скучал по дому.

Эта простая, почти будничная беседа вдруг наполнила грудь такой мягкостью, что стало трудно дышать.

Зрители в комментариях, конечно, вспыхнули снова:

«Боже, какие тёплые отношения у их семей!»

«Завидую по-настоящему!»

«Обе семьи явно дружат с юности...»

«Если они правда пара, то их будущие свёкры и свекрови просто созданы друг для друга!»

Задание Цзянь Наня было завершено.

И, пожалуй, это оказалось самым лёгким испытанием среди всех участников.

Режиссёр наконец мог объявить итоги — кто проходит дальше.

Самым «несчастливым» оказался Дун Цзюньин: единственный, кто не справился.

Он лишь усмехнулся, откинувшись на спинку стула:

— Ну и ладно. Не так уж и хотелось.

Режиссёр, стараясь сгладить настроение, с улыбкой предложил всем отправиться на завтрак.

Буфет находился на верхнем этаже отеля, где за огромными панорамными окнами виднелся сад. Весна стояла в самом разгаре, персиковые деревья утопали в цвету, и аромат цветов едва уловимо проникал даже сквозь стекло — лёгкий, пьянящий, почти нереальный.

Цзянь Нань сел рядом с Дун Цзюньином и негромко сказал:

— Когда принесут завтрак... я поделюсь с тобой, ладно?

На лице у Дун Цзюньина — всё то же упрямое выражение, острые черты будто застыли в вызове всему миру.

— Я не буду, — процедил он сквозь зубы. — Хоть подохну с голоду прямо здесь, хоть из окна

сигану — всё равно не стану есть ни крошки из рук этой съёмочной группы.

— ...

Что ж. С характером.

Зрители, конечно, не остались в стороне:

«Вот это да, стальной характер у нашего Дуна!»

«Хахаха, ещё и гордость включил!»

«Говорит “не буду есть”, а сам уже за столом сидит!»

Цзянь Нань в это время размышлял, как бы приступить к завтраку и не вызвать очередной волны сплетен, как вдруг рядом заскрипел стул.

Он повернулся — и увидел, как Ли Чуань спокойно опускается на соседнее место.

Движения его были безупречно неторопливы.

— Не возражаешь? — спросил он, будто между прочим.

Цзянь Нань оглянулся по сторонам — в зале явно оставалось немало свободных столиков.

— Кажется, вон там ещё есть места... — осторожно напомнил он.

Ли Чуань чуть приподнял ресницы, лениво глянув на него из-под век:

— А ты не рад, что я сел рядом?

— Н-нет... — быстро замотал головой Цзянь Нань.

— Те места, — Ли Чуань чуть улыбнулся, — оставлены для других гостей. Не думаешь же ты, что весь отель снят только под нас?

И будто в подтверждение его слов в зал действительно начали подтягиваться постояльцы — кто-то наливал себе кофе, кто-то выбирал булочки, и за пустыми столиками уже рассаживались люди.

— Вот оно как, — пробормотал Цзянь Нань, словно просветлённый.

Зрители в комментариях откровенно веселились:

«Ага, конечно, “для других гостей”. Верим-верим!»

«Фруктовая компания звала Ли-ге к себе — он отказался. А тут вдруг нет мест?»

«Он просто хотел сесть рядом с Нань-Нанем, перестаньте врать себе!»

Юный наследник, который с утра так и не притронулся к еде, сидел мрачный, уткнувшись щекой в ладонь, и бросил в сторону Ли Чуаня недовольный взгляд:

— Тогда почему ты не сел к Сян Го? У них же тоже был свободный стол.

Ли Чуань медленно развернул салфетку с приборами, даже не поднимая глаз:

— Потому что ты здесь.

Дун Цзюньин застыл, будто его стукнули по голове.

— А... зачем?.. — выдавил он с неловким смешком.

Ха.

А ты сам-то как думаешь?

Ли Чуань поднял взгляд — глаза его, словно тёплый янтарь, блеснули мягким светом.

— Двое делят завтрак — скучно. А вот втроём уже веселее, не так ли?

Он чуть приподнял бровь, глядя прямо на Дуна.

Тот напрягся, уши вспыхнули от злости и смущения.

— Я всё равно не буду есть! — выпалил он, резко отвернувшись.

А зрители, смеясь до слёз, залили эфир новыми комментариями:

«О, бедный малыш Дун, его просто дразнят!»

«Ли-ге крутит ими, как хочет!»

«А Цзянь Нань в центре этого треугольника сидит, как персик в цветку!»

Официанты принесли завтрак — всё выглядело так изысканно, будто это был не буфет, а сервировка в дорогом ресторане.

Пар от горячей пищи поднимался лёгкими облачками, аромат сводил с ума.

Бамбуковая корзинка с сочащимися бульоном сяолунбао, стакан свежей сои, тарелка дымящейся сладкой рисовой каши с клецками, рядом — тарелочка с нежными яичными рулетами, несколько ломтиков хрустящих ютяо, и маленькая корзинка с ассорти из фруктов.

Глаза разбегались, а запах просто не давал сидеть спокойно.

Цзянь Нань взял ложку, бросил взгляд на Дуна:

— Если проголодаешься — просто скажи.

Дун Цзюньин молчал, уткнувшись взглядом в скатерть, и беспомощно теребил край ткани.

Цзянь Нань сам не решался нарушать правила. Всё-таки по условиям шоу тот, кто проиграл, не имеет права завтракать. Если он поделится едой, это будет не только нарушением, но и — что

хуже — лишним поводом для пересудов. Особенно при Ли Чуане, сидящем рядом.

Ли Чуань между тем медленно зачерпнул ложкой кашу, откинулся чуть назад и размеренно произнёс:

— Хм. Интересно... сладкая, но не приторная.

Цзянь Нань подул на ложку, попробовал — и глаза чуть округлились:

— Правда. Сладко, но вкус риса не теряется. Очень нежная.

— ...

У Дуна дёрнулось ухо.

— Такая вкусная? И правда сладкая?..

Ли Чуань взглянул на него поверх ложки, будто с лёгким удивлением:

— Ты любишь сладкое?

Тот тихо кивнул:

— Угу.

Краешки губ Ли Чуаня изогнулись. Он лениво размешал кашу, словно намеренно выпуская аромат наружу, и тихо щёлкнул языком:

— Как жаль.

Аромат стал ещё сильнее, наполняя всё помещение густым, тёплым запахом риса и сахара.

Живот у Дуна жалобно заурчал. Он смотрел на еду с таким видом, будто перед ним лежала добыча, до которой ему запретили дотрагиваться.

Взгляд его был голодным, почти звериным — настоящий щенок, который вот-вот уткнётся носом в миску.

Комментарии в прямом эфире разрывались от смеха:

«Ли-ге просто дьявол!»

«Он откровенно дразнит малыша Дуна!»

«Наш принц не выдержит, бедняга!»

«Эй, железный характер, помнишь? Сказал не будешь — не ешь!»

На деле же «железный характер» уже трещал по швам.

Дун Цзюньин не сводил глаз со стола, наклоняясь всё ближе и ближе, будто запах мог насытить его одного.

Цзянь Нань не выдержал и, стараясь, чтобы никто не заметил, медленно придвинул к нему тарелку с сяолунбао.

Но прежде чем тот успел протянуть руку, рядом послышался негромкий звук передвигаемой посуды.

Ли Чуань оказался быстрее.

Он спокойно подвинул к Дуну тарелку с яичными рулетами и пельменями.

— Ешь, — сказал он негромко.

Цзянь Нань застыл, с ложкой на полпути ко рту.

Его взгляд метнулся к Ли Чуаню, а в груди будто что-то дрогнуло — не от удивления, нет...

Скорее от той непредсказуемой мягкости, что иногда пряталась за ленивой усмешкой этого мужчины.

Ли Чуань бросил на Цзянь Наня короткий, почти ленивый взгляд:

— Ешь свою еду. Его — делим пополам.

Дун Цзюньин: ???

Ты... ты серьёзно?!

Вот же наглость!

Цзянь Нань растерянно посмотрел на него, потом на Ли Чуаня:

— Так... это нормально? Вам точно хватит? Может, лучше втроём поделим?

Ли Чуань ответил всё тем же невозмутимым тоном:

— Хватит. Он ведь ещё растёт — много ему не нужно.

Дун Цзюньин вытаращил глаза, как будто только что услышал величайшее оскорбление в жизни.

Зрители в комментариях уже катались от смеха:

«Он ещё растёт — не упустите ребёнка, кормите вовремя!»

«Малыш, у тебя ведь тоже куча вопросов, да?»

«Хахаха, наш “маленький принц” снова стал школьником!»

Но, вопреки всему, Дун не стал спорить. Только фыркнул и принялся есть, будто решил, что лучше уж не быть гордым, чем голодным.

Цзянь Нань опустил голову и занялся своей тарелкой.

У него был старый, почти неосознанный ритуал — завтракать плотно, до ощущения, что больше не лезет. Зато потом он ел мало в течение дня. Так было с детства, когда это стало скорее необходимостью, чем привычкой.

Он помнил, как когда-то Ли Чуань, заметив это, морщился и говорил с притворным раздражением:

«Ты что, с голодного света сбежал?»

«Зато потом можно обойтись без обеда.» — привычно отвечал он, не отрываясь от тарелки. — «И вообще, завтрак — это главный прием пищи.»

На самом деле... это была не его привычка, а чужая.

Так всегда делала мать — тихая, терпеливая вышивальщица, которая с утра садилась за работу и забывала о еде до самого вечера.

Отец днём был на службе, и маленький Цзянь Нань часто оставался дома один. Голодные утренние часы научили его: поесть нужно как следует — потом может не быть возможности.

А потом об этом узнал Ли Чуань.

И с того дня мать Ли, Дунфан Циюнь, начала присылать за ним машину:

— Пусть приезжает к нам. Вместе позавтракают.

Так он и стал постоянной тенью Ли Чуаня, тем самым мальчишкой, который всегда бежал за ним, не отставая ни на шаг.

Тогда ему казалось, что это — удача.

Теперь... он не был уверен, можно ли это назвать так.

— Нань-Нань, да ты, оказывается, с аппетитом! —

Голос Дуна выдернул его из воспоминаний.

Цзянь Нань моргнул, вернулся в реальность и кивнул:

— Угу, я люблю завтрак.

Дун, жуя очередной кусочек, который подал ему Ли Чуань, довольно кивнул:

— Надо признать, вкусно. А добавку можно попросить?

— Можно, — холодно ответил Ли Чуань. — Но, по-моему, ты не так уж голоден. Ещё слово — и остальное съем сам.

Дун замер. Потом, не сказав ни слова, торопливо набил рот едой.

Комментарии в эфире просто взорвались:

«Боже, это уже не шоу, а семейный завтрак!»

«Маленький принц реально выглядит, как их сын!»

«Ли-ге — суровый отец, Нань-Нань — мягкая мать, а ребёнок — вредный и вечно голодный!»

«Сценка семейной идиллии уровня Бог!»

«Ли-ге точно будет строгим отцом».

«Ха-ха-ха! А Нань-Нань — наоборот, самый добрый и мягкий папа на свете!»

Под весёлый смех и подколки завтрак постепенно подошёл к концу. После еды участникам нужно было отнести подносы на стойку возврата.

Цзянь Нань поднялся:

— Я отнесу посуду.

— Вместе отнесем, — спокойно произнёс Ли Чуань, тоже вставая.

Цзянь Нань на секунду застыл. На самом деле, он до сих пор не знал, как себя с ним вести. Вчерашний разговор всё ещё стоял в голове — и чем больше он обдумывал слова Ли Чуаня, тем яснее понимал, что тот был прав. Шёлк — вещь редкая, почти бесценная. А он... теперь ведь посторонний, без всякой связи с семьёй Ли. С чего бы ему требовать что-то подобное?

— Как спалось? — негромкий, спокойный голос прозвучал рядом.

Цзянь Нань чуть вздрогнул, потом кивнул:

— Хорошо.

Ли Чуань был выше его почти на голову. Своим взглядом он видел только вихорь на макушке Цзянь Наня и его узкие, хрупкие плечи.

— По поводу вчерашнего, — начал он, — о том шёлке...

— Я был неправ, — перебил Цзянь Нань, не поднимая глаз. — Не всё продумал. Забудьте мои слова, пожалуйста, не принимай близко к сердцу.

Ли Чуань скользнул по нему взглядом. Голос у того был ровный, лицо — спокойное, будто всё происходящее не стоит ни капли эмоций. Обычная беседа. Так и должно быть.

Но почему-то от этого внутри неприятно сжалось.

— Мы с Дуном всё-таки знакомы, — обронил Ли Чуань нарочито небрежно. — Немного шёлка ему отдать — не велика потеря.

— Не нужно, — мягко покачал головой Цзянь Нань. Он подошёл к месту, где складывали посуду, поставил свой поднос и, обернувшись, чуть улыбнулся:

— Я подумал, можно обойтись и без шёлка. Есть другие способы.

Ли Чуань поставил посуду рядом и прищурился:

— Ты прямо стараешься ради него.

Цзянь Нань отдернул руку, уже собирался уйти, но вдруг остановился.

— Вчера ты сказал, что я плохо разбираюсь в людях и ничему не учусь. Это правда. История с Дин Мо многому меня научила, и да, было больно. И что... теперь мне бояться сближаться с людьми?

Ли Чуань поднял на него глаза.

— Наверное, ты думаешь, что я наивный и глупый, — продолжил Цзянь Нань, прикусив губу. В его взгляде блеснула тихая, прозрачная грусть. — Но даже если так... пусть. Пусть это станет ещё одним уроком.

В его голосе прозвучала мягкая решимость — усталое, но упрямое смирение человека, который больше не ждёт понимания.

Он чуть наклонился, вежливо поклонился Ли Чуаню — и только потом, не оглядываясь, пошёл прочь.

Ли Чуань проводил его взглядом.

Худое, стройное тело, спина прямая, будто внутри всё держалось на одной-единственной гордости, не позволяющей согнуться ни под чем.

И вдруг — будто кто-то невидимо дернул за тонкую струну в груди.

Он вдруг понял — уже очень давно не смотрел на Цзянь Наня по-настоящему.

Так, чтобы заметить, как тот исхудал.

Сянь Го подошла с подносом, заметив, как Ли Чуань задумчиво смотрит вслед уходящему Цзянь Наню:

— Ты чего такой?

Ли Чуань отвёл взгляд, коротко ответил:

— Ничего.

Да, действительно, ничего.

Они ведь уже развелись. Он точно знает, что не любит Цзянь Наня.

Значит, если помогает — это просто любезность, не помогает — его полное право.

Всё логично.

Вот только почему тогда вчера после того, как Цзянь Нань ушёл, он не мог уснуть?

Всю ночь крутился, ворочался, и в голове неотвязно вертелась одна дурацкая мысль:

«Он ведь, наверное, опять плакал...»

Да.

Этот человек всегда плакал из-за всяких пустяков. Настоящий плакса.

Ли Чуань с досады перевернулся на бок, потом сел и, не выдержав, набрал номер Фэн Юаня.

«Если твой сосед по комнате вдруг заплачет» — без прелюдий спросил он, — «ты его утетишь?»

«...Ты вообще видел, который час?» — в трубке повисла пауза, потом тяжёлый вздох.

«Ответь сначала.»

«Брат, я тебя уважаю, но вижу, сегодняшнее голосование ударило по тебе сильнее, чем я думал.» — Фэн Юань зевнул. — «Так и быть, выбирай доброту, прости всех, живи дальше. Всё, я спать.»

«Подожди» — лениво произнёс Ли Чуань. — «Ты ведь говорил, у тебя есть то «Картье» с ограниченной серией...»

«Э-э! Погоди» — тон Фэн Юаня мгновенно изменился. — «Я имел в виду, надо всё как следует разобрать по пунктам. Кто у нас плачет, кто кого утешает... Ты, случаем, не хочешь притвориться жертвой, чтобы Нань-Нань тебя пожалел?»

Повисло молчание.

«Ладно» — сказал Ли Чуань холодно. — «Забудь, я ошибся номером.»

«Эй-эй-эй, не бросай трубку!» — затараторил Фэн Юань. — «Без подробностей я ж не смогу дать профессиональную оценку!»

Ли Чуань чуть подумал.

В конце концов, кроме этого друга, пожалуй, никто не знал о нём и Цзянь Нане достаточно, чтобы говорить откровенно.

Он коротко пересказал суть и, почти не меняя тона, добавил:

«А ещё, Дун Цзюньин — ненадёжный.»

Наступила тишина.

Безнадёжный одиночка, — подумал Фэн Юань.

Он откашлялся, явно сдерживая смех:

«А с чего ты решил, что он ненадёжный? Я вот на Bilibili видел нарезки — парень что надо,

живой, яркий, хоть в сольники выпускай. Не то что ты — вечно мрачный, будто жизнь надоела.»

«Я? Мрачный?» — фыркнул Ли Чуань. — «Этот Дун ещё от соски не отвык. Что он вообще может понимать?»

«Так не ты же себе жениха выбираешь!» — съязвил Фэн Юань. — «Или ты сам хочешь вместо него решить? Это значит та причина, почему ты не продал тот шёлк?»

Голос в трубке на мгновение стих, но воздух словно наполнился сухим раздражением, почти слышным даже сквозь связь.

Ли Чуань сменил позу на диване, откинувшись на спинку с видом крайнего раздражения:

«Шёлк я могу подарить Цзянь Наню, если захочу. Моё добро — моё дело. А вот этот Дун Цзюньин мне ни к чему. Я что, на благотворительности помешан?»

«Оу» — протянул Фэн Юань с плохо скрытым смешком, — «то есть если Нань-Нань попросит шёлк, чтобы вышить что-то для тебя, — ты, выходит, дашь?»

Ли Чуань даже не моргнул:

«Я беру своё. В чём проблема?»

Фэн Юань чуть не поперхнулся от смеха. Он буквально чувствовал, как внутри всё сотрясается от сдержанного хохота, но вслух смеяться не рискнул. Знал: стоит только выдать хоть звук — и через пару дней Ли Чуань лично распорядится, чтобы его прах развеяли над морем.

Наконец, он собрался с духом:

«Ты только хорошенько подумай, ладно? Цзянь Нань теперь тебе никто. Вы развелись. Он — не твоя собственность, и имеет полное право сам решать, с кем дружить, с кем встречаться. В тот день, когда вы подписали развод, вы пошли каждый своей дорогой.»

«Ты что, видел, чтобы я влезал в его дела?» — холодно усмехнулся Ли Чуань.

Фэн Юань кашлянул, стараясь не рассмеяться:

«Вот, молодец, так и надо. Только, когда Нань-Нань женится, не забудь хотя бы конвертик подарочный принести... эй, алло? Алло?»

В трубке раздались короткие гудки.

Фэн Юань вытаращил глаза.

Вот уж кто скуп до абсурда — так это Ли Чуань. Даже шутку про свадьбу не вынес!

Ну ничего. Ешь свои лимоны сам, ревнивый ты демон.

Сам Ли Чуань, конечно, не знал, что о нём думают. В этот момент он уже сидел с хмурым видом и мысленно взвешивал: а не вычеркнуть ли этого недалёкого болтуна из списка друзей?

— Всем внимание!

В комнату вбежал сотрудник съёмочной группы, энергично размахивая рукой, сбивая всех с мыслей.

Участники повернулись к двери — очевидно, пришло новое задание.

На заднем дворе отеля уже собрался съёмочный состав.

Режиссёр стоял впереди с рупором и радостной улыбкой:

— Друзья, спасибо за отличную работу в эти два дня! Сегодня у нас для вас — специальный подарок!

На лицах участников, однако, не дрогнул ни один мускул.

Только Сянь Го, как всегда, не удержалась:

— О, подарок? Какой?

— Мы достали билеты в самый известный парк развлечений Сяньгэя — «Клара Хайгу»! — радостно объявил режиссёр. — Все сегодняшние задания будут проходить там! Весело ведь, правда?

Он сиял, словно солнце, но в ответ слышалось лишь вежливое молчание.

— А вечером, — добавил он, — нас ждёт костровая вечеринка в старом городе! Отличное завершение путешествия!

— В парке можно кататься на всём, на чём захочешь? — оживился Дун Цзюньин.

— Конечно! — кивнул режиссёр. — Но не забывайте: по всему парку мы спрятали карточки с заданиями. Команда, которая первой соберёт их все, — победит!

— Карточки прямо в аттракционах? — уточнил Цзянь Нань.

— Именно так, — подтвердил режиссёр. — Так что готовьтесь, сегодня будет весело!

Лишь у одного человека, стоявшего чуть поодаль, настроение было откровенно мрачным.

Ли Чуань безмолвно смотрел на яркое утро за окном, и почему-то думал не о заданиях.

А о том, кто будет с кем кататься.